

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-3-89-105–126

ВОДОПЛАВАЮЩИЕ ПТИЦЫ И РЫБЫ В ДЕКОРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕТАЛЛА САЯНО-АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

Г.Г. Король

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: ggkorol08@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4331-5980

Исследованы образы водоплавающих птиц и рыб в декоре металла Саяно-Алтая с прилегающими территориями и Северного Тянь-Шаня конца I – начала II тыс. на материале ременных украшений всадника, а также женских атрибутов. Среди водоплавающих птиц – мотивы уток и гусей со сплетенными шеями и изображения птиц с распахнутыми крыльями. Рассмотрены сложные ихтио-/орнитоморфные композиции в сочетании с растительным декором. В группе рыб – парные рыбки-подвески, в том числе модификация мотива в виде оригинальной формы игольника-«зажима», парные рыбки в сложных композициях и двусторонние скульптурные фигурки парных рыб, а также мотив отдельной рыбы. Анализ распространения и возможных истоков влияния на появление образов позволил заключить, что они в той или иной степени присутствуют в обоих регионах, за редким исключением. В основном мотивы восходят к буддийской традиции, а их иконография – к таковой в китайском искусстве. В Саяно-Алтае находки представлены как привозными украшениями высокого качества, так и репликами. Отмечено развитие связанного с буддийской символикой мотива парных рыбок, воплощенного в оригинальной форме двусторонних полых изделий разной конструкции – игольников-«зажимов» и скульптурных фигурок, которые могли использоваться как игольники-подвески. Тянь-шаньские находки отличаются очевидным творческим потенциалом местных мастеров при среднем уровне качества исполнения декора. Благопожелательная символика привнесенных извне образов была воспринята в обоих регионах, но большого распространения в торевтике малых форм они не получили. Взаимовлияния не выявлены.

Ключевые слова: первобытное искусство, Саяно-Алтай и прилегающие территории, Северный Тянь-Шань, торевтика малых форм, декор, ихтио- и орнитоморфные мотивы, конец I – начало II тыс.

ВВЕДЕНИЕ

Средневековый художественный металл Саяно-Алтая и Тянь-Шаня можно сравнивать только на определенном отрезке времени конца I – начала II тыс. В регионе Саяно-Алтая и на прилегающих территориях это период соседствующих Кыргызского каганата (IX–X вв.) и кимако-кыпчакского этнополитического

Данные об авторе. Галина Георгиевна Король – к.и.н., старший научный сотрудник центра палеоискусства ИА РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН (№ НИОКР 122011100061-5).

объединения (до 1030-х гг.)¹. На Тянь-Шане, а именно в Чуйской долине Северного Тянь-Шаня (Притяньшанья), в этот период размещались центры Карлукского (VIII–X вв.) и Караганидского (X–XIII вв.) государств, городская культура, в том числе местное бронзолитейное производство, которых хорошо известна². Художественные изделия из цветного металла этого региона, представленные широким набором изделий разного назначения, в целом не сопоставимы с саяно-алтайскими. Но в части торевтики малых форм (ременные и другие детали снаряжения всадника, а также некоторые женские принадлежности), получившей распространение в обоих регионах в указанный хронологический период, такое сопоставление представляет определенный научный интерес. Оно проведено ранее автором на примере некоторых наиболее ярких орнитоморфных мотивов художественного металла. При этом для Тянь-Шаня отмечен несколько больший репертуар зооморфных мотивов, включая орнитоморфные³.

Задача настоящего исследования – продолжить это направление на примере мотивов водоплавающих птиц и рыб декора изделий из цветного металла малых форм с целью выявления особенностей предметов конкретного вида прикладного искусства и определения наличия или отсутствия взаимовлияний.

ВОДОПЛАВАЮЩИЕ ПТИЦЫ

Хорошо известно, что у тюркских народов водоплавающие птицы (утка, гусь) входят в число особо почитаемых. Способность этих птиц присутствовать и осваивать каждую из совершенно разных сфер – землю, воду и воздух – окружающей человека естественной среды, или природного мира, была отмечена людьми с древности. Птицы в широком смысле воспринимались как символ единства, союза между землей и небом. В эпосе и мифах это часто встречающиеся образы. К примеру, в алтайском мифе доброе божество Ульгень представлялся в виде светлого гуся или утки. Сюжет об утке как птице-демиурге сохранился в хакасском фольклоре, образ утки и гуся имел смысловое единство и мог быть взаимозаменяем в космогонических представлениях тюркских народов⁴. Этот сюжет известен в мифах многих сибирских народов⁵.

Таким образом, изображение водоплавающих птиц на торевтике малых форм Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. имело достаточно прочный мировоззренческий и мифологический фундамент. Истоки мотива, его реализация в виде оригинальных двусоставных застежек – фигурок «летящих» (с распахнутыми крыльями) уток, подробно рассмотрены ранее, в том числе в сопоставлении с тянь-шаньскими находками (рис. 1, 1, 5, 8)⁶. Такие фигурки составляли парную композицию, фактически птиц со «сплетенными» шеями.

¹ Иногда это объединение именуют Кимакским каганатом. Подробней об этапах культурного развития региона в раннем средневековье см.: Кляшторный, Савинов 2005, 213–302.

² Подробней см.: Горячева 2010.

³ Король 2024 (там же основная литература по исследованию художественного металла обоих регионов).

⁴ Подробно о божественных птицах и птицах, с которыми тюрки связывали свое происхождение, см., например: Боргояков 1980; Сагалаев 1990; Бурнаков 2010.

⁵ См., например: Напольских 1990; Илимбетова 2015; Бадмаев 2023.

⁶ Король 2019; 2024, 328–329.

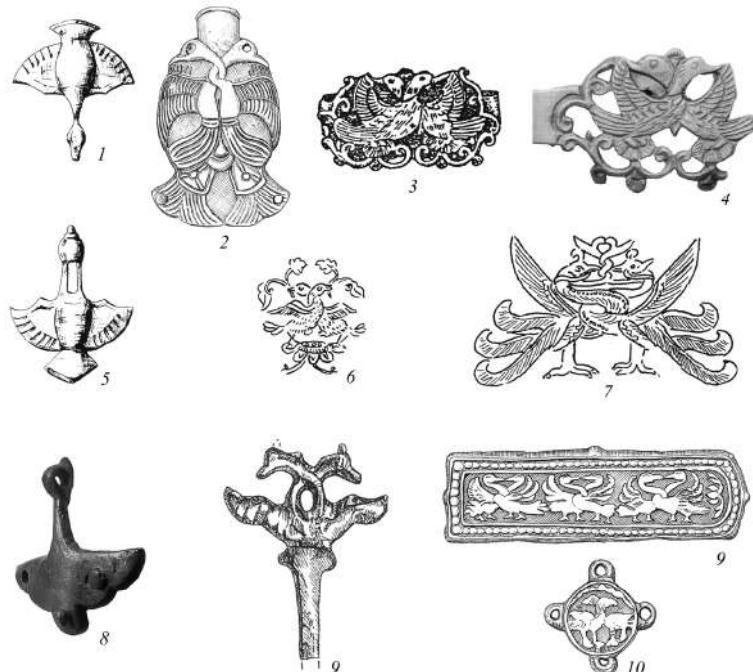

Рис. 1. Водоплавающие птицы со «сплетенными» шеями: Саяно-Алтай и прилегающие территории (1–5), Тянь-Шань (8–11) и аналогии из Китая (6, 7). 1, 5 – по: Арсланова 2013, 116; 3 – по: Евгюхова 1948, рис. 74; 4 – по: Бутанаев 2006, 26; 6, 7 – по: Gyllensvärd 1958, fig. 64, a, b; 8, 10, 11 – по: Камышев 2023, VII, 5; IX, 7, 8; 9 – по: Байпаков и др. 2007, рис. 250; 2, 10, 11 – худ. С.Л. Богаченко. Без масштаба

Рис. 2. Птицы с распахнутыми крыльями и сложные композиции с рыбками: Саяно-Алтай и прилегающие территории (1–5), Тянь-Шань (8, 9, 11, 12) и аналогии из Китая (6, 7, 10). 1 – по: Кызласов, Король 1990, рис. 35, 3; 2, 3, 7 – по: Король 2019, рис. 1, 1, 5, 8; 4, 5 – по: Король 2008, рис. 33; 6 – по: White, Bunker 1994, 166, cat. 78; 8, 12 – по: Камышев 2023, VI, 22; VII, 1; 9 – по: Табалдиев 2011, 302, ил. 1; 10 – по: Wenwu. 1996, 21, fig. 6; 11 – по: Байпаков и др. 2007, рис. 110, 2. Без масштаба

Птицы со сплетенными шеями. Иконографические истоки мотива в его изобразительном варианте (для украшения поверхности предметов) восходят к китайскому искусству, где парные птицы (фениксы, гуси, утки, в том числе со сплетенными шеями – «обнявшиеся» птицы) – это символ долголетия, брачного союза, супружеского счастья и верности⁷. Рассмотрим образ водоплавающих птиц (утки/гуси). Композиция с таким мотивом известна в двух вариантах. В первую очередь это золотая бляшка с изящно исполненным декором, утки стоят на символических цветах лотоса в окружении растительных побегов (рис. 1, 3). Она происходит из знаменитого своими находками драгоценной посуды с тончайшим декором и отдельных ременных украшений тайника 2 кургана 2 Копенского чаатаса в Минусинской котловине Саяно-Алтая⁸. Курган этот считается самым поздним на могильнике и относится к середине – второй половине IX в.⁹ Находки, по-видимому, – часть трофеев енисейских кыргызов после победы 840 г. над уйгурями. Искусный мастер украсил предметы в танском стиле. Об известности мотива в китайских древностях Позднего Чжоу I тыс. до н.э. (рис. 1, 7), а также на бронзовых ажурных (прорезных) бляхах конца гуннской эпохи начала н.э. из Ордоса хорошо известно¹⁰. В танское время (618–907 гг.) мотив исполнен в стиле эпохи (рис. 1, 6), при этом отмечено, что мотив не нов для искусства эпохи Тан, но все же это редкий образец, удивительно походящий символ для украшения серебряной косметической коробочки замужней женщины¹¹. Копенская композиция – упрощенная вариация танской. Практически идентичный образец – деталь «золотой пряжки» (явно не обычной ременной) – известен среди случайных находок близ быв. д. Копены (рис. 1, 4). Судя по особенностям декора и материалу изделия, вероятно, относится к тому же времени, что и копенская бляшка.

Второй вариант птиц со сплетенными шеями – композиция с гусями, украшающая условный зажим или игольник – полый предмет с круглой втулкой сверху и подпрямоугольным отверстием снизу¹², состоящий из двух соединенных половинок. Такие игольники имеются среди материалов X в. Саяно-Алтая (рис. 2, 1). Известно два игольника-«зажима» с рассматриваемой композицией – один из Бейского (хранится в Минусинском музее, № 6450)¹³, второй (две отдельные половинки) (рис. 1, 2), возможно, оттуда же, был передан из Минусинского в Абаканский музей, где и хранится (№ 290/36)¹⁴. Композиции идентичны, в обоих случаях гуси (тулово, шеи, крылья) переданы рельефно, все детали тщательно проработаны, но имеют некоторые отличия. Обратим внимание на завершение зажима в виде двух раздвоенных хвостов гусей. Похожим образом с разной степенью стилизации оформлена нижняя часть практически всех других

⁷ Williams 1960, 159, 221.

⁸ Евтохова 1948, 45, 46, рис. 74; Киселев 1949, 340–341, табл. LVII, 7.

⁹ Обзор мнений о датировке см.: Кляшторный, Савинов 2005, 262.

¹⁰ См., например: Евтохова 1948, 45; Кызласов, Король 1990, 80 (с литературой).

¹¹ Gyllensvård 1958, 106.

¹² Конструкцию подобных предметов см.: Кызласов, Король 1990, рис. 35, 2.

¹³ Кызласов, Король 1990, рис. 34, 3. Судя по рисунку, это половинка предмета.

¹⁴ Благодарю сотрудников Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова И.Н. Худякову и Е.Н. Данькина за точные сведения о происхождении предмета и предоставление качественных фотографий, по которым сделан рисунок, уточняющий опубликованный ранее: Кызласов, Король 1990, рис. 61, 4.

известных зажимов с иными композициями декора¹⁵ (см. рис. 2, 1), на что обратила внимание еще В.П. Левашева¹⁶. Такое оформление, напоминающее и рыбы, и птичьи хвосты, интерпретируется как передача водной стихии.

Среди многочисленных тянь-шаньских материалов (в основном из Чуйской долины Северного Тянь-Шаня) с разнообразным декором рассматриваемый мотив, как и в Минусинской котловине Саяно-Алтая, довольно редкий. Нам известны три ярких примера (рис. 1, 9–11). В одном случае это фигурное завершение женской булавки (рис. 1, 9), в другом – декор, очевидно, нашивного украшения с довольно схематизированным вариантом композиции (рис. 1, 11). Наибольший интерес вызывает длинная концевая ременная накладка с «перлами» по периметру декорируемой поверхности (характерный элемент многих ременных накладок конца I тыс.), орнаментальная композиция – три пары, очевидно, гусей со сплетенными шеями, с растительным мотивом у концевой части предмета (рис. 1, 10). Судя по опубликованной фотографии¹⁷, он изготовлен по бывшему в долгом употреблении и, вероятно, неоднократно реплицированному изделию, поэтому декор выглядит довольно грубо, детали плохо прорисованы, его нельзя отнести к качественным оригинальным изделиям, выполненным искусствами мастерами (ср. с рис. 1, 3, 4). Исследователи отмечают, что этот древний китайский сюжет в X–XIII вв. благодаря китайским веяниям распространился и в Средней Азии, и в Иране, и далее на Запад¹⁸.

Птицы с распахнутыми крыльями и сложные композиции с рыбками. Помимо пластического воплощения образа «летящей» утки, о котором упомянуто выше, мотив известен как вариант декора поверхности ременных украшений¹⁹. Это изображения летящих уток с распахнутыми крыльями, иногда, вероятно, с цветущей ветвью в клюве, со свисающими вниз по обе стороны головы птицы цветами (рис. 2, 1) или с включением растительных, в том числе цветочных, элементов в общую композицию (рис. 2, 2, 3). Возможно, хорошо известный в искусстве Китая мотив птицы с цветущей ветвью в клюве²⁰ мог послужить прообразом подобных изображений на ременных украшениях рубежа I–II тыс. Композиция известна на зеркалах танского времени с территории Саяно-Алтая²¹. Мотив представлен в декоре ременных украшений киданей эпохи Ляо (916–1125 гг.) (рис. 2, 6, 7, 10). Кроме того, образ утки с цветущей ветвью в клюве (особенно его иконография) мог быть основой наиболее реалистичной группы двусоставных застежек (см. рис. 1, 1).

В материалах из Тянь-Шаня (преимущественно из Чуйской долины Северного Тянь-Шаня) образ птиц разной видовой принадлежности, особенно в виде фигурок (навершия, подвески и пр.), хорошо известен. Но «летящие» птицы с распахнутыми крыльями практически не представлены (судя по доступным автору опубликованным материалам). Из предгорий Алатау (Ала-Тоо) происходит единственная известная нам подвеска, передающая образ птицы (сокола?) в геральдической композиции – с распахнутыми крыльями и повернутой

¹⁵ См., например: Кызласов, Король 1990, рис. 34, 1, 2; 35, 2, 3.

¹⁶ Левашева 1939, 60, табл. XVI, 19–21.

¹⁷ Камышев 2023, табл. IX, 7.

¹⁸ Иерусалимская 1972, 26; Камышев 2023, 28.

¹⁹ Детально все известные находки см.: Король 2019, 178–181.

²⁰ Gyllenswärd 1958, fig. 57, f; 69, a–c, e; 79, g; 86, a, d; 97, x; 98, g.

²¹ См., например: Лубо-Лесниченко 1975.

головой, со схематичной прорисовкой оперения тулов (рис. 2, 8). К китайским иконографическим и семантическим истокам восходят композиции трех бронзовых патриц для тиснения деталей ременной гарнитуры. На них передан сюжет с черепахой и птицей с длинной шеей (гусь/журавль/аист?) и распахнутыми крыльями, на одной из композиций птица держит в клюве ветвь (рис. 2, 11). По мнению А.М. Камышева, это своего рода иллюстрация известного, вероятно, с античных времен сюжета притчи о черепахе-путешественнице и утке²². Патрицы датируются XII – началом XIII в.²³

Интерес представляют по-своему уникальные находки из памятников (могильники Саратовка и Ур-Бедари) Кузнецкой котловины Саяно-Алтая, относимые к концу I – началу II тыс.²⁴ Обе накладки ажурные с качественной проработкой тонких деталей декора в сложной композиции, сочетающей орнито-/ихтиоморфный и растительный декор. На одной из них (рис. 2, 4) в верхнем ярусе – пара небольших птичек, обращенных друг к другу головами. Растительный элемент между ними служит и вертикальной, и горизонтальной осью симметрии. Птички «зеркально» отражены и превращены в нижнем ярусе в рыбок, тулов которых декорированы характерным образом, передающим чешую. Точно так же декорированы рыбки на другой накладке с вертикальной осью симметрии в виде растительных мотивов, при этом бутон (цветок) нижней пальметты проработан косыми полосами из ромбов, как и тулою рыбок (рис. 2, 5). Можно говорить об уровне совершенства искусственных мастеров, особенно учитывая миниатюрные размеры предметов. Своего рода оборотничество, выраженное оригинальным способом на первой накладке, – известный в эпосе саяно-алтайских тюрок прием превращения героев в птиц, в том числе водоплавающих, в рыб и пр.²⁵

Сочетание разных видов декора в такой композиции может подчеркивать не столько разнообразие природы, сколько через символы отражать многослойность восприятия ее средневековым человеком. Символично выглядит и композиция на ажурной пряжке²⁶ из погребения с конем, IX–X вв., у с. Боз-Бешик на Иссык-Куле (между хребтами Северного Тянь-Шаня). Размещенные парами рыбки в вертикальной композиции представляют собой части растительного «древа» (оси симметрии) между ними, составляя с ним единое целое (рис. 2, 9) как композиционно, так, вероятно, и семантически. Такое же единство, как и своего рода «оборотничество», отражает композиция на патрице из Чуйской долины (рис. 2, 12). На ней изображена пара птиц (голуби?) с центральной растительной осью симметрии. При этом подмечено, что, если перевернуть предмет на 180°, композиция не меняется – там те же птицы в том же окружении²⁷. Это интересный образчик креативности художника-мастера.

²² Камышев 2023, 35, табл. VI, 24–26.

²³ Торгоев 2010.

²⁴ Илюшин 1999, 50, 55.

²⁵ Подробней см.: Король 2008, 133.

²⁶ Об этой находке и других с мотивом рыб из Тянь-Шаня см.: Кечиева 2016, 162, 163, рис. 2.

²⁷ Камышев 2023, 35, 38.

РЫБЫ

Образ рыбы универсален и известен во многих культурах в разные эпохи, в том числе у ранних и средневековых кочевников Евразии²⁸. Символика его многообразна, у разных народов превалирует свое восприятие, связанное с особенностями мировоззрения, культуры и образа жизни. Плодовитость рыб делает их изображение благоприятным символом и пожеланием большого потомства. Рыбы, как известно, – такой же благопожелательный образ, как и птицы в китайской традиционной символике²⁹. Мотив рыбы (или пары рыб) – обозначение не только супружеской верности и счастья, но и плодородия, богатства, изобилия, свободы, а с танского времени еще и символ власти и ранга: высокого служебного положения, посольских и военных полномочий³⁰. В сунский период (Х–ХIII вв.) известны деньги в форме рыб, которые приносили в дар тюркским принцам³¹. Кроме того, пара «золотых» рыбок – одна из восьми основных буддийских «драгоценностей» – благородных символов счастья, благополучия, избавления от страданий, обретения духовной свободы³².

Парные рыбки-подвески. Такие подвески в качестве украшений ременной гарнитуры на территории Саяно-Алтая в конце I – начале II тыс. известны в основном в Минусинской котловине как случайные находки из разных мест (7 шт.) и на Алтае из погребения (Корболиха II, курган 6) IX–X вв., 2 шт. (рис. 3, 1–4). Они практически одной формы, немного отличающихся друг от друга размеров (длина от 2,5 до 3,4 см), хорошего качества декора. Одна (самая крупная) без тщательной проработки деталей (рис. 3, 4) – явно подражание условно оригинальным (возможно, первичным) подвескам.

С территории Тянь-Шаня (вероятно, из Чуйской котловины) нам известна лишь одна подвеска (рис. 3, 7) подобного рода. Вероятно, это изображение отдельной рыбы³³, но не исключено и креативное местное творчество в подражание «стандартным» подвескам в виде парных рыбок, известным по находкам из Саяно-Алтая. В любом случае она явно предшествует более поздним подвескам из Тянь-Шаня с изогнутым концом (в одном случае раздвоенный конец ассоциируется с хвостовым плавником отдельной рыбки), иногда с проработкой туловища декором типа «елочки»³⁴.

В материалах из киданьских гробниц эпохи Ляо представлены свои варианты подвесок в виде парных рыбок (рис. 3, 11–13), очевидно восходящие к китайской традиции. Точные аналогии рассмотренным выше саяно-алтайским и тяньшаньским подвескам не выявлены.

²⁸ См., например: Плотников 1987; Соколовская 2001; Полидович, Малюк 2016; Хасенова 2016.

²⁹ Williams 1960, 181–184.

³⁰ Подробно о разных вариантах восприятия образа парных рыб в средневековом Китае см.: Король 2008, 140.

³¹ Laufer 1912, 218–221.

³² McArthur 2002, 118–121; Бир 2013, 25–27. Об отголосках буддийской символики у народов Саяно-Алтая и в традиционной культуре монголов (рис. 3, 14) подробней см.: Король 2008, 140, 141 (там же ссылки на литературу). См. также таблицу благопожелательных символов китайцев периода Цинской империи, воспринятых в искусстве тюрко-монголов и тунгусо-маньчжуров: Кочешков 1997, 141, рис. 84, 7 – пара рыб.

³³ Худяков и др. 2017, 73.

³⁴ Байпаков и др. 2007, цв. рис. 32, 1–4.

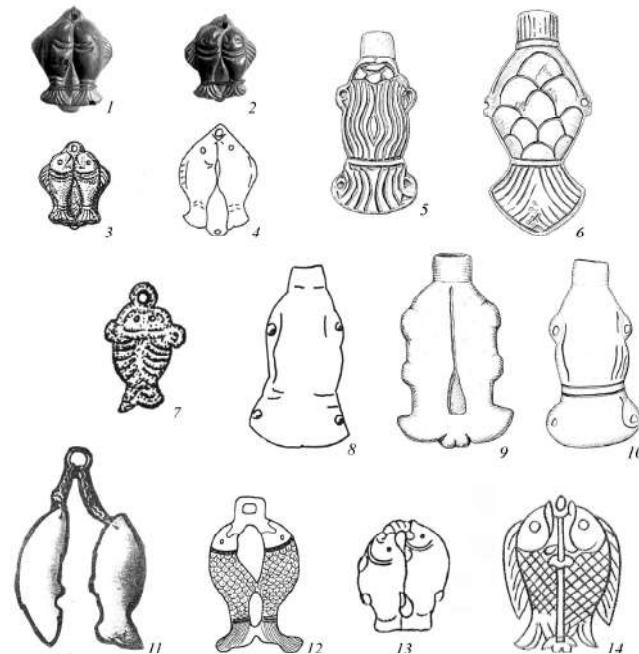

Рис. 3. Парные рыбки-подвески и аналогии (11–14), игольники с круглой втулкой: Саяно-Алтай (1–6, 8–10), Тянь-Шань (7). 1, 2 – по: Король 2008, табл. 16, 15, 17; 3 – по: Могильников 2002, рис. 144, 4; 4 – по: Король, Конькова 2009, рис. 2, 10; 5, 6, 8–10 – из архива автора; 7 – по: Худяков и др. 2017, рис. 4; 11–13 – Китай (по: Wenwu. 1987, color insert, 1; Kaogu. 2011, 38, fig., 7; Kaogu suebao. 1954, 196, fig. 25, 6); 14 – Монголия (по: Кара 1972, табл. 14, A). 5–10 – худ. С.Л. Богаченко. Без масштаба

Рис. 4. Парные рыбки в сложных композициях: Саяно-Алтай (1), Тянь-Шань (2–4) и аналогии (5–7). 1 – фрагмент по: Кызласов, Король 1990, рис. 56; 2 – по: Байпаков и др. 2007, рис. 36; 3, 4 – по: Ка-мышев 2023, XXVIII, 13, 15; 5, 7 – Тува (по: Вайнштейн 1974, рис. 66, 1; Кореняко 2002, рис. LI, 3); 6 – Горный Алтай (из архива автора). 3, 6 – худ. С.Л. Богаченко. Без масштаба

Интерес представляет развитие связанного с буддийской символикой мотива парных рыбок, воплощенное в иной форме – в виде двусторонних игольников-«зажимов», полых внутри (рис. 3, 5, 6, 8–10), с круглой втулкой (некоторые сохранились в виде двух половинок). Нам известно шесть таких игольников-«зажимов», происходящих из Минусинской котловины. Среди них – два с тщательно выполненным декором. В одном случае – сочетание цветка лотоса с криволинейным орнаментом, отображающим водную поверхность (рис. 3, 5)³⁵. Оформление нижней части предмета напоминает рыбы хвосты, о чем сказано выше при рассмотрении декора в виде летящих уток. В другом случае – центральная часть украшена криволинейным орнаментом, напоминающим рыбью чешую (или птичье оперение?), нижняя часть также оформлена характерным образом, который можно трактовать и как птичий хвост³⁶ (рис. 3, 6; ср. с рис. 1, 2 и 2, 2). Остальные предметы менее декоративны, но один из них явно передает в пластике контуры пары рыбок (рис. 3, 9). Возможно, это условно местное развитие мотива в удобной функциональной форме востребованных предметов.

Парные рыбки в сложных композициях. На территории Саяно-Алтая нам известно три идентичных предмета (ажурные накладки на сумочку всадника для огнива или других необходимых предметов) – случайная находка из Минусинской котловины (Средний Енисей) и 2 экз. из могильника Аргалыкты, X в., с Верхнего Енисея, на которых в среднем ярусе сложной зооморфно-растительной композиции симметрично размещены «плывущие», судя по изогнутой форме фигур, рыбки, обращенные головами друг к другу (рис. 4, 1). Они буквально утыкаются ртами в окружающие фигурки растительные стебли, по сторонам справа и слева – цветы, иконография которых восходит к буддийскому мотиву «цветок смоквы»³⁷. Все детали композиции, в том числе представленного на рисунке фрагмента, прорисованы художником-литейщиком с необыкновенной тщательностью. Это определенно один из шедевров средневековых мастеров с традиционными навыками художественного литья, оригинальные изделия которых не так часто попадали на территорию Саяно-Алтая (основная масса торевтики малых форм – вторичные копии или реплики давно изношенных предметов).

С территории Чуйской долины Северного Тянь-Шаня происходит фрагмент похожей ажурной накладки, но, видимо, без среднего яруса с рыбами и цветами, хотя в верхнем ярусе изображен крылатый олень, как и на находках из Саяно-Алтая. Предмет, судя по «затертости» декора и его качеству, явно не оригиналный, а представляет собой реплику³⁸. Но среди находок из Тянь-Шаня есть другие предметы (рис. 4, 2–4) торевтики малых форм, в том числе ременные накладки с идентичным описанному выше размещению пары изогнутых рыб, обращенных друг к другу головами, в сочетании с растительным декором: сложным (рис. 4, 3), упрощенным (рис. 4, 4) и даже редуцированным (рис. 4, 2).

³⁵ Известно два таких предмета. Один прекрасного качества хранится в Хельсинки, второй с затертым декором, верхняя часть которого почти «не читаема» – в МАЭ, № 240/41, коллекция П.Е. Островских (Король 2021, 107, 108, рис. 1, 5).

³⁶ В китайском бестиарии о диковинных животных описывается странная рыба с птичьими крыльями и голосом, похожим на мандаринских уток: Терентьев-Катанский 2004, 146.

³⁷ Подробно о находках и декоре, а также семантике см.: Король 2008, 138–140.

³⁸ Фото см.: Камышев 2023, табл. ХХI, 6; прорисовку – Байпаков и др. 2007, 65, рис. 118, 3, увеличение детали: Король, Наумова 2017, 17, рис. 8, 5.

Именно такие сложные композиции с парой рыбок и элементами других видов декора, в том числе растительного, связанные с буддийской символикой, представлены в этнографическом материале некоторых народов Саяно-Алтая, прежде всего тувинцев и алтайцев (рис. 4, 5–7)³⁹.

Отдельные рыбы-изображения. Мотив отдельных рыбок известен в основном из Минусинской котловины Саяно-Алтая. Прежде всего, это золотая бляшка из упомянутого выше тайника кургана 2 Копенского чаатаса (рис. 5, 8) с уникальной композицией: центральный образ – рыба (вид сверху), которая ртом упирается в основание трилистника (растительные побеги и трилистники фланкируют композицию в целом), а у хвоста рыбы – изображение стоящего петушка со сложенными крыльями и поднятым хвостом. Детали оформления рыбы тщательно прорисованы. Фон накладки, возможно, обработан пуансоном⁴⁰. Рыба в другой композиции – «плывущая» (вид сбоку), как и в первом случае упирается ртом в основание трилистника, сверху и снизу – довольно простые и грубо прорисованные растительные завитки. Большие плавники и едва раздвоенный хвост детально прорисованы, а вот чешуя на тулово – схематично (рис. 5, 9). Фон украшен пуансоном, что создает имитацию водной среды. Известны три концевые накладки с идентичной композицией из разных мест Минусинской котловины⁴¹. Уникальный набор (10 бляшек разной формы) с индивидуальными изображениями рыб на каждой накладке (даже с одинаковой композицией) – случайная находка из окрестностей с. Беллык Краснотуранского р-на Красноярского края (Минусинская котловина)⁴². На накладках – композиции как с растительными мотивами (рис. 5, 1, 2, 6), в том числе трилистниками у рта рыбы, так и без них (рис. 5, 3–5). Декор отличного качества и тонкости рисунка, крошечные плавники в разном количестве, в одном случае их совсем нет (рис. 5, 6), хвосты хорошо проработаны, а чешуя у каждой рыбы передана индивидуально, фон оформлен очень мелким пуансоном. Необходимо отметить, что такой творческий подход к декору с одним мотивом на накладках явно одного комплекта, пожалуй, первый случай в нашей многолетней практике исследования торевтики малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий конца I – начала II тыс. Можно предположить, что они изготовлены в мастерской с давними традициями художественного литья. Накладки, возможно, предназначались для узкого, свисающего с основного пояса всадника ремешка, настолько они миниатюрны.

Известна еще лишь одна накладка (рис. 5, 10) со схематичным и простым изображением контура рыбы на выступающей поверхности (в центре – шляпка гвоздя, вероятно, ремонт крепления накладки доступными средствами)⁴³.

³⁹ См.: Вайнштейн, 1974; Иванов 1979, 61, рис. 66. На рис. 4, 6 – копия этнографической зарисовки художника И.В. Титкова, 1925 г., бронзового украшения для конской сбруи с Горного Алтая. Зарисовка хранится в музее ИАЭТ СО РАН, Новосибирск.

⁴⁰ К сожалению, автору не удалось познакомиться непосредственно с предметом, а по опубликованному рисунку это можно лишь предполагать.

⁴¹ Хранятся в Минусинском музее, № 6024, 6082, 9729/30. См. также: Кызласов, Король 1990, рис. 49, 3 (не совсем точен).

⁴² Хранится в музее средней школы села. Приношу искреннюю благодарность дирекции школы и преподавателю Г.В. Красиковой, предоставившими возможность познакомиться с качественными фотографиями предметов, по которым сделаны рисунки.

⁴³ Хранится в Абаканском музее, сборы у д. Чаптыково, № 6186/12.

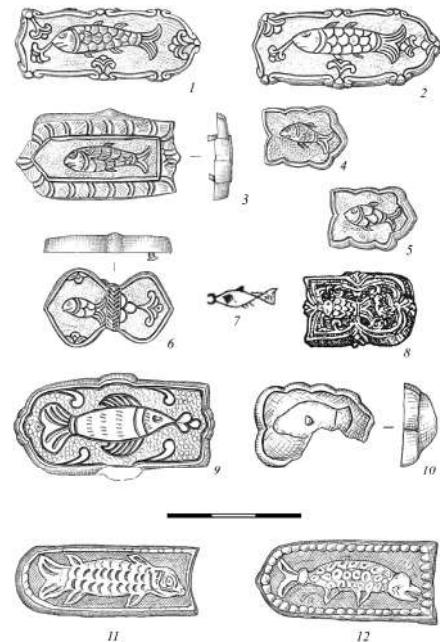

Рис. 5. Отдельные рыбы-изображения: Саяно-Алтай (1–6, 8–10), Тянь-Шань (11, 12) и аналогия (7). 1–6, 9, 10 – из архива автора; 7 – по: Забияко, Ван Цзяньлинь 2015, 134, илл. 2, 3; 8 – по: Евтихова 1948, рис. 76; 11, 12 – по: Камышев 2023, XXVIII, 9, 11. Худ. С.Л. Богаченко (кроме 7, 8). 7, 8, 11, 12 – без масштаба

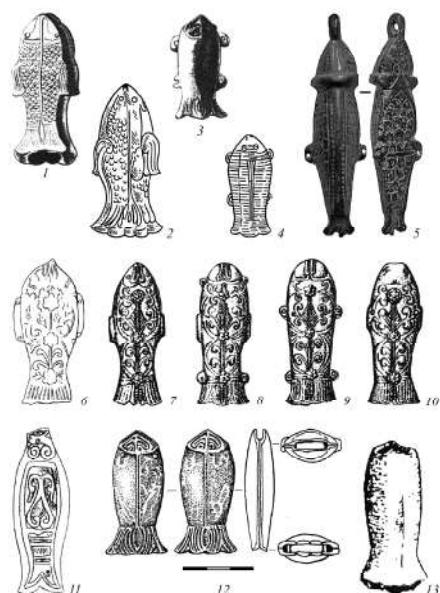

Рис. 6. Парные рыбы – двусторонние скulptурные фигуры и условная аналогия (5). 1, 3 – «между Обью и Иртышом» (по: Миллер 1937, рис. 22); 2, 4 – «из окрестностей Семипалатинска», Верхнее Прииртышье (по: Дмитриева, Левашева 1965, рис. 3, 11, 14); 5 – Чуйская долина (по: Камышев 2023, XXVIII, 12); 6 – «близ Алтайских гор» (по: Спасский 1818, X, 1); 7 – Алтай (курган Мало-Панюшево); 8–10, 13 – Верхнее Прииртышье: мог. Зевакино, Трофимово/Березовский, Карапашат, Боброво (7–10 – по: Плотников 1987, рис. I, 5–8; 13 – по: Арсланова 2013, 191, табл., 188); 11, 12 – Алтай (по: Король 2008, 324, XLII, 30; Горбунов и др. 2004, рис. 50 – мог. Чинета II). Без масштаба (кроме 12)

В Саяно-Алтае и предгорьях, на прилегающих территориях есть крупные реки. Средневековые наследники этих мест наверняка пользовались дарами рек – ловили рыбу, а также охотились на водоплавающих птиц. Из средневековых китайских летописей известны сведения о земле Хагаз/Хягас (кыргызов) на Енисее, в том числе упомянута рыба «гладкая и без костей»⁴⁴. Можно предполагать, что попавшие на эти земли ременные украшения с мотивом рыбы могли получить широкую популярность, но известных находок пока минимум (лишь комплект из с. Беллык немногого увеличил их число). Заметим, что и в наскальном искусстве средневекового периода региона мотив рыбы автору не известен. По устным сведениям Е.А. Миклашевич⁴⁵, среди таштыкских гравировок (конец I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.) на камне тагарского кургана (скифская эпоха) могильника Туран в Минусинской котловине выявлено единственное изображение рыбки (вид сбоку) с узким длинным, раздвоенным у самого конца хвостом, чешуя на тулове передана косой сеткой. Средневековое изображение рыбки, возможно, с добычей во рту (рис. 5, 7) зафиксировано среди гравировок эпохи Ляо в Северо-Восточном Китае (провинция Ляонин)⁴⁶.

В материалах раннесредневековой торевтики малых форм Тянь-Шаня имеется два предмета с декором в виде отдельной рыбы. Это концевые накладки с характерным, как уже отмечено выше, для конца I тыс. оформлением контура декорированного поля пояском «перлов» (разной степени проработки и схематичности). Рыбы на них крупные, но совершенно разные по всем деталям оформления (рис. 5, 11, 12). С саяно-алтайскими они не сопоставимы. И, как в случае с другими рассмотренными выше тянь-шаньскими находками, представляется, что они местного производства. Художник воплотил свое видение образа рыбы, особенно на рис. 5, 12.

Отметим, что в традиционной культуре народов Саяно-Алтая и прилегающих регионов отдельные изображения рыб представлены в культовой практике – в основном как элементы рисунков на шаманских бубнах, а также в виде деревянных фигурок – предметов культа⁴⁷. В религиозно-мифологическом сознании, например хакасов, рыба воспринималась во многих ипостасях, в первую очередь в качестве предка-тотема и воплощения духа-хозяина воды⁴⁸. В Средней Азии отмечаются пережитки почитания рыб практически у всех народов (особенно в низовьях Амудары), изображения становятся популярными с XII–XIII вв., как и в Иране. Но отдельные фигурки рыб известны на керамике и кости и в раннем средневековье⁴⁹. У киргизов Тянь-Шаня зафиксировано использование рыбы в магической лечебной практике⁵⁰.

⁴⁴ Бичурин (Иакинф) 1950, 352 (445).

⁴⁵ Благодарю Е.А. Миклашевич за информацию о не опубликованном материале.

⁴⁶ Забияко, Ван Цзяньлинь 2015, 127.

⁴⁷ См.: Иванов, 1954, рис. 50, 28; 51, 6; 1955, рис. 13, 20, 22; 1979, рис. 154, 155.

⁴⁸ См., например: Бурнаков 2024.

⁴⁹ Подробней о пережитках и изображениях см., например: Гудкова 1964, 56, рис. 13, 2; Снесарев 1969, 325–328; Соколовская 2001; Есбергенова 2020, рис. 3, 4.

⁵⁰ Баялиева 1972, 49.

Парные рыбы – двусторонние скульптурные фигурки. Если рассмотренные выше варианты воплощения образа рыбы (парных рыб) в торевтике малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий представлены находками преимущественно из восточной части региона – Среднего и Верхнего Енисея, то двусторонние скульптурные фигурки парных рыб сосредоточены исключительно в западной части – на Северном Алтае и преимущественно Верхнем Прииртышье (в том числе «между Обью и Иртышом»). Они связаны с культурой западных соседей енисейских кыргызов – кимаков IX–X вв.

Предметы (рис. 6) представляют собою полые изделия, которые тоже можно отнести к игольникам-«зажимам», но они отличаются от рассмотренных выше (рис. 1, 2; 2, 1; 3, 5, 6, 8–10). Верхняя часть соединенных брюшками парных рыб – в виде вытянутых голов с отверстием между ртами (довольно реалистичный вариант см. на рис. 6, 7), между хвостами также имеется отверстие (наглядно см. рис. 6, 1, 12, 13). В одном случае верх фигурки скруглен (рис. 6, 10); в другом – близок к игольникам с круглой втулкой (рис. 6, 11) и, судя по стилизации декора и формы, возможно, это более позднее подражание скульптурным фигуркам. Предмет без декора поврежден, но он также происходит из могильника с Верхнего Прииртышья и представляет собой крайнюю степень стилизации и упрощения (рис. 6, 13).

Фигурки имеют реалистичные подражания плавникам (рис. 6, 1, 2), лишь намек на них (рис. 6, 7, 8, 10) с отверстиями для соединения половинок предмета (рис. 6, 6), условные плавники в виде круглых петель также служили для крепления шпеньками частей фигурки (рис. 6, 3, 4, 9), в одном случае – сочетание стилизованных плавников и петель (рис. 6, 8). Три фигурки – без каких-либо плавников и петель (рис. 6, 11–13). Декор поверхности – изображение чешуи (рис. 6, 1, 2) или ее стилизация (рис. 6, 4), некоторые без декора (рис. 6, 3, 12, 13). Особая группа – предметы с практически идентичным сложным растительным декором с вертикальной осью симметрии (рис. 6, 6–10)⁵¹. Найдены (за исключением «случайных», рис. 6, 1–4, 6, 11) происходят из женских погребений и погребения ребенка (рис. 6, 12). Отмечено, что внутри, например фигурки из Зевакино (рис. 1, 8), сохранились «остатки крученого и прошитого нитками войлочного шнуря, плотно заполнявшего внутреннюю часть»⁵², что позволяло носить ее или на длинном шнуре, надетом на шею, или подвешивать к поясу⁵³.

Рассмотренные скульптурные фигурки парных рыб разнообразны, в них можно проследить цепочку от образа рыбы, внешне близкого к природному

⁵¹ Декор на них разной степени сохранности, номера 7–10 даны по публикации Ю.А. Плотникова (1987, рис. 1, 5–8). Возможно, прорисовки не идеально точны, но при сопоставлении с первоначальными публикациями материалов погребений понятно, что они в основном отражают реальный декор, за исключением № 10 (могильник Карапаш), который можно назвать «реконструкцией», ибо в первичной публикации с прорисовкой (Акишев 1987, 202, рис. 102, 1) и на цветной фотографии (Хасенова 2019, 118, рис. 11, справа) видно, что декор плохо сохранился и сильно «затерп». Кроме того, в ссылках на предметы с рисунками Ю.А. Плотникова перепутаны их номера. В нашем варианте все они сверены с первоисточниками. Известен еще один предмет – из разрушенного погребения у с. Выдриха (Арсланова 2013, 345, рис. 2, 25; Хасенова 2016, 719; 2019, 118, рис. 11, фото слева), со стилизованным растительным декором другой композиции и редуцированной нижней частью предмета, мало напоминающей рыбьи хвосты. В рис. 6 он не использован, но условно его можно включить в рассматриваемую группу.

⁵² Арсланова 2013, 226, табл. I, 2.

⁵³ Разные мнения см.: Плотников 1987, 11; Арсланова 2013, 223.

облику (чешуя, плавники), до полной стилизации через фазу украшения поверхности пышным растительным декором. Возможно, они имели хронологическое различие в пределах IX–X в., а подражания (рис. 6, 11) – более поздние. Все находки сконцентрированы преимущественно в одном регионе, аналогии из других мест автору не известны.

С территории Тянь-Шаня (из Чуйской котловины) происходит оригинальная двусторонняя подвеска⁵⁴, стилизованная под рыбу с разным декором каждой стороны, имитирующим чешую (рис. 6, 5). Это двусторонняя скульптурная фигурка рыбы, которую невозможно сравнивать с игольниками в форме парных рыб, но для сопоставления вариантов необходимо было о ней упомянуть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении обобщим результаты, полученные при анализе распространения, возможных источков влияния на появление образов водоплавающих птиц и рыб в художественном металле Саяно-Алтая и Тянь-Шаня конца I – начала II тыс., представленном торевтикой малых форм.

Известные находки с образом *водоплавающих птиц со сплетенными шеями* из Саяно-Алтая и Тянь-Шаня одинаково малочисленны, восходят к китайским образцам, попавшим в регионы своими путями, по стилистике не сопоставимы. Первые характеризуются хорошим качеством рисунка декора, а вторые – творческим потенциалом, вероятно, местных мастеров (насколько можно судить по небольшому числу известных предметов) при явно среднем уровне исполнения.

Птицы с распахнутыми крыльями в разных вариациях представлены в декоре торевтики малых форм Саяно-Алтая, а из Тянь-Шаня нам известен единственный экземпляр. *Сложные композиции с рыбками* уникальны в обоих регионах. Семантически они, возможно, близки, но иконография разная.

Парные рыбки-подвески, выполненные как на высоком профессиональном уровне, так и явные копии мастеров на доступном им уровне, известны фактически только в регионе Саяно-Алтая. Единственная тянь-шаньская находка лишь условная аналогия, имевшая, возможно, свой образец для подражания. В обоих случаях можно полагать, что источник происхождения подвесок имеет отношение неким образом к традициям буддийской символики. Но где этот источник – сказать затруднительно.

Парные рыбки в сложных композициях связаны с влиянием буддийских представлений и соответствующей иконографией. На территории Саяно-Алтая известен единственный вариант, но самый замысловатый и оригинальный по композиции в целом, а на Тянь-Шане – вариации одной и той же по замыслу, но менее сложной композиции, исполненной, скорее всего, местными мастерами.

Мотив *отдельной рыбы* представлен в обоих регионах, но распространен незначительно. В Саяно-Алтае это в основном привозные экземпляры, в том числе с изящным, тонко проработанным декором, в отличие от тянь-шаньских, выполненных явно местными мастерами с определенной долей креативности.

⁵⁴ Описание места находки и самого предмета см.: Камышев 2023, 11, 98. Там же (табл. XXVIII, 14) см. замысловатую одностороннюю подвеску-рыбу, напоминающую широкого карпа, с прорезью-запечом в центральной части туловища и с выступами – имитацией плавников по сторонам фигурки.

Двусторонние скульптурные фигурки парных рыб известны только в определенном регионе Саяно-Алтая и прилегающих территорий, среди находок из Тянь-Шаня они не зафиксированы, там имеются свои оригинальные варианты, сравнимые со скульптурными фигурками рыб, но их находки крайне редки.

Таким образом, можно заключить, что рассмотренные в исследовании образы в той или иной степени присутствуют в обоих регионах, за редким исключением (как в случае со скульптурными фигурками парных рыб). Многие мотивы восходят к буддийской традиции, а их иконография – к таковой в китайском искусстве. В Саяно-Алтае находки представлены как привозными украшениями (вероятно, трофеями), среди которых есть изделия высокого уровня качества исполнения декора, так и репликами, выполненными на условно местном уровне. Самобытным можно назвать развитие связанного с буддийской символикой мотива парных рыбок, воплощенного в оригинальной форме – в одном случае в виде двусторонних игольников-«зажимов» (восточная часть региона), в другом – в виде двусторонних скульптурных фигурок рыб (западная его часть). Возможно, это условно местный вариант творчества – мотив представлен в удобной функциональной форме востребованных предметов. Тянь-шаньские находки происходят в основном из Чуйской долины, где в средневековых городах зафиксировано собственное бронзолитейное производство. Изделия отличаются творческим потенциалом местных мастеров в плане реализации инокультурных образов через свою оригинальную иконографию, но креативные идеи воплощены зачастую на невысоком уровне качества.

В итоге можно говорить о том, что благопожелательная символика привнесенных извне художественных образов была воспринята в обоих регионах – Саяно-Алтае с прилегающими территориями и Тянь-Шане, но при этом большого распространения и реализации в торевтике малых форм они не получили. Взаимовлияния на примере рассмотренных образов не выявлены. Сравнивать их можно лишь как явления одной эпохи с конкретными инокультурными веяниями и импульсами, для которой был характерен определенный стиль декоративного искусства, так называемый стиль степного орнаментализма.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, К.А. (ред.). 1987: *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата.
- Арсланова, Ф.Х. 2013: *Очерки по средневековой археологии Верхнего Прииртыша* (Материалы и исследования по археологии Казахстана III). Астана.
- Бадмаев, А.А. 2023: Утка в мифологических взорениях бурят. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований* 4(42), 76–83.
- Байпаков, К.М., Терновая, Г.А., Горячева, В.Д. 2007: *Художественный металл с городища Красная Речка (VI – начало XIII века)*. Алматы.
- Баялиева, Т.Д. 1972: *Доисламские верования и их пережитки у киргизов*. Фрунзе.
- Бир, Р. 2013: *Тибетские буддийские символы. Справочник*. М.
- Бичурин (Иакинф), Н.Я. 1950: *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена* I. М.

- Боргояков, М.И. 1980: Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии. В сб.: А.И. Мартынов (ред.), *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Кемерово, 272–277.
- Бурнаков, В.А. 2010: Образ гуся в мифологических представлениях хакасов. В сб.: А.П. Деревянко (ред.), *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий XVI*. Новосибирск, 378–382.
- Бурнаков, В.А. 2024: Рыба в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ. *Народы и религии Евразии* 29, 2, 63–77.
- Бутанаев, В.Я. 2006: *Хакасы в провинции Хэйлунцзян*. Абакан.
- Вайнштейн, С.И. 1974: *История народного искусства Тувы*. М.
- Горбунов, В.В., Дашковский, П.К., Тишкин, А.А. 2004: Исследование памятников средневековья на Алтае. В сб.: Н.В. Лопатин (ред.), *Археологические открытия – 2004*. М., 420–423.
- Горячева, В.Д. 2010: *Городская культура тюркских каганов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII века)*. Бишкек.
- Гудкова, А.В. 1964: *Ток-кала*. Ташкент.
- Дмитриева, Е.Н., Левашева, В.П. 1965: Материалы из раскопок сибирских бугровщиков. *СА* 2, 225–236.
- Евтихова, Л.А. 1948: *Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)*. Абакан.
- Есбергенова, С.Х. 2020: Верования и обряды каракалпаков, связанные с рыболовством. *Вестник антропологии* 2 (50), 125–136.
- Забияко, А.П., Ван Цзяньлинь 2015: *Наскальные изображения Северо-Восточного Китая*. Благовещенск.
- Иванов, С.В. 1954: *Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в.* (Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия XXII). М.–Л.
- Иванов, С.В. 1955: К вопросу о значении изображений на старинных предметах культуры у народов Саяно-Алтайского нагорья. В сб.: С.П. Толстов (ред.), *Сборник Музея антропологии и этнографии XVI*, 165–264.
- Иванов, С.В. 1979: *Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар*. Л.
- Иерусалимская, А.А. 1972: К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. В сб.: А.А. Иванов, С.С. Сорокин (ред.), *Средняя Азия и Иран*. Л., 5–56.
- Илимбетова, А.Ф. 2015: *Культ птиц у башкир в свете духовного наследия народов мира*. Уфа.
- Илюшин, А.М. 1999: *Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования*. Кемерово.
- Камышев, А.М. 2023: *Зооморфные сюжеты в торевтике Притяньшанья*. Бишкек.
- Кара, Д. 1972: *Книги монгольских кочевников* (Культура народов Востока: материалы и исследования). М.
- Кечиева, З.Р. 2016: Зооморфные образы на средневековой торевтике Тянь-Шаня. *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 15, 5: *Археология и этнография*, 159–165.
- Киселев, С.В. 1949: *Древняя история Южной Сибири* (МИА 9). М.–Л.
- Кляшторный, С.Г., Савинов, Д.Г. 2005: *Степные империи древней Евразии* (Исторические исследования). СПб.
- Кореняко, В.А. 2002: *Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль* (Культура народов Востока: материалы и исследования). М.
- Король, Г.Г. 2008: *Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки* (Тр. САИПИ V). М.–Кемерово.
- Король, Г.Г. 2019: Составные украшения застежки с территории Саяно-Алтая конца I – начала II тыс. В сб.: М.А. Дэвлет (ред.). *Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2)* (Тр. САИПИ XII). М.–Кемерово, 175–195.

- Король, Г.Г. 2021: Неизвестное в известном: коллекция случайных находок средневековой торевтики малых форм из Минусинской котловины. *ПИФК* 2, 101–127.
- Король, Г.Г. 2024: Орнитоморфные мотивы средневекового художественного металла Саяно-Алтая и Тянь-Шаня. *ПИФК* 4, 317–337.
- Король, Г.Г., Конькова, Л.В. 2009: Средневековые ременные украшения из Минусинской котловины: собрания XIX в. в коллекциях Эрмитажа. В сб.: А.А. Тишкин (ред.), *Теория и практика археологических исследований* 5. Барнаул, 136–147.
- Король, Г.Г., Наумова, О.Б. 2017: *Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.)*. М.
- Кочешков, Н.В. 1997: *Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры. Проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX–XX веков*. СПб.
- Кызылсов, Л.Р., Король, Г.Г. 1990: *Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник*. М.
- Левашева, В.П. 1939: *Из далекого прошлого южной части Красноярского края*. Красноярск.
- Лубо-Лесниченко, Е.И. 1975: *Привозные зеркала Минусинской котловины*. М.
- Миллер, Г.Ф. 1937: *История Сибири* 1. М.–Л.
- Могильников, В.А. 2002: *Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках*. М.
- Напольских, В.В. 1990: Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли. В сб.: И.Н. Гемуев (ред.), *Мировоззрение финно-угорских народов*. Новосибирск, 5–20.
- Плотников, Ю.А. 1987: Скульптурные изображения рыб в памятниках сросткинской культуры. В сб.: Ю.С. Худяков, С.А. Гладышев (ред.), *Новые памятники металла на Среднем Амуре*. Новосибирск, 110–120.
- Полидович, Ю.Б., Малюк, Н.И. 2016: Образ рыбы в искусстве скифо-сарматского времени. В сб.: Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.), *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии*. Оренбург, 209–216.
- Сагалаев, А.М. 1990: Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей). В сб.: И.Н. Гемуев (ред.), *Мировоззрение финно-угорских народов*. Новосибирск, 21–34.
- Снесарев, Г.П. 1969: *Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма*. М.
- Соколовская, Л.Ф. 2001: К изображению рыб на средневековой керамике Афрасиаба VII–XIII вв. В сб.: Т.Ш. Ширинов (ред.), *ИМКУ* 32. Ташкент, 164–169.
- Спасский, Г. 1818: О сибирских древних курганах. *Сибирский вестник* 2, 20 (147)–50 (177).
- Табалдиев, К.Ш. 2011: *Древние памятники Тянь-Шаня*. Бишкек.
- Терентьев-Катанский, А.П. 2004: *Иллюстрации к китайскому бестиарию «Мифологические животные древнего Китая*. СПб.
- Торгоев, А.И. 2010: Патрицы с изображением черепахи и журавля из Чуйской долины. *PA* 3, 160–163.
- Хасенова, Б.М. 2016: Образ рыбы в средневековом искусстве кочевников Центральной Евразии. В сб.: Б.А. Байтанаев (ред.), *Актуальные проблемы археологии Евразии*. Алматы, 717–725.
- Хасенова, Б.М. 2019: Женский костюм степной Евразии эпохи средневековья: символ гендера и времени. В сб.: А. Онгарулы (ред.), *Степная мода: костюм и текстиль. Каталог выставки* (Великая степь: история и культура, V). Нур-Султан, 114–121.
- Худяков, Ю.С., Борисенко, А.Ю., Кечиева, З.Р. 2017: Бронзовые бляшки с изображениями из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана. *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 16, 3: *Археология и этнография*, 70–79.
- Gyllensvärd, B. 1958: *T'ang gold and silver*. Göteborg.
- Kaogu. 2011. Iss. 8. (in Chinese)
- Kaogu suebao. 1954. Iss. 8. (in Chinese)
- Laufer, B. 1912: *Jade. A Study in Chinese Archaeology and Religion*. Chicago.

-
- McArthur, M. 2002: *Reading Buddhist art. An Illustrated Guide to Buddhist Signs and Symbols.* London.
- Wenwu.* 1987. Iss. 11. (in Chinese)
- Wenwu.* 1996. Iss. 1. (in Chinese)
- White, J.M., Bunker, E.C. 1994: *Adornment for Eternity. Status and Rank in Chinese Ornament.* Denver.
- Williams, C.A. 1960: *Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives.* New York.

REFERENCES

- Akishev, K.A. (ed.). 1987: *Arkheologicheskiye pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES* [Archaeological Sites in the Flood Zone of the Shulbinskaya Hydroelectric Power Station]. Alma-Ata.
- Arslanova, F.Kh. 2013: *Ocherki po srednevekovoy arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya* [Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh Region] (Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana [Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan] III). Astana.
- Badmayev, A.A. 2023: Utki v mifologicheskikh vozzreniyakh buryat [Duck in the mythological views of the Buryats]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies] 4 (42), 76–83.
- Bayaliyeva, T.D. 1972: *Doislamskiye verovaniya i ikh perezhitki u kirgizov* [Pre-Islamic Beliefs and Their Survivals among the Kirghiz]. Frunze.
- Baypakov, K.M., Ternovaya, G.A., Goryacheva, V.D. 2007: *Khudozhestvennyy metall s gorodishcha Krasnaya Rechka (VI – nachalo XIII veka)* [Artistic Metal from the Krasnaya Rechka Fortified Settlement (the 6th – early 13th Century)]. Almaty.
- Bichurin (Iakinf), N.Ya. 1950: *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena* [Collection of Information about the Peoples who lived in Central Asia in Ancient Times] I. Moscow.
- Bir, R. 2013: *Tibetskie buddiyskie simvoli. Spravochnik* [Tibetan Buddhist Symbols. Reference Book]. Moscow.
- Borgoyakov, M.I. 1980: Ob odnom drevneyshem mifologicheskem syuzhete, yego evolyutsii i otrazhenii v fol'klore narodov Yevrazii [On One Ancient Mythological Plot, Its Evolution and Reflection in the Folklore of the Peoples of Eurasia]. In: A.I. Martynov (ed.), *Skifo-sibirskoye kul'turno-istoricheskoye yedinstvo* [Scythian-Siberian Cultural-Historical Unity]. Kemerovo, 272–277.
- Burnakov, V.A. 2010: Obraz gusya v mifologicheskikh predstavleniyakh khakasov [Image of a Goose in the Mythological Representations of the Khakass]. In: A.P. Derevyanko (ed.), *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories] XVI. Novosibirsk, 378–382.
- Burnakov, V.A. 2024: Ryba v traditsionnom mirovozzrenii khakasov: obraz i simvol [Fish in the Traditional Worldview of the Khakass: Image and Symbol]. *Narody i religii Yevrazii* [Peoples and Religions of Eurasia] 29, 2, 63–77.
- Butanayev, V.Ya. 2006: *Khakasy v provintsii Kheyluntsyan* [Khakass in Heilongjiang Province]. Abakan.
- Dmitriyeva, E.N., Levasheva, V.P. 1965: Materialy iz raskopok sibirskikh bugrovshchikov [Materials from Excavations of Siberian Kurgan Miners]. *SA* [Soviet Archaeology] 2, 225–236.
- Esbergenova, S.Kh. 2020: Verovaniya i obryady karakalpakov, svyazannyye s rybolovstvom [Beliefs and Rituals of the Karakalpaks Associated with Fishing]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology] 2(50), 125–136.
- Evtyukhova, L.A. 1948: *Arkheologicheskiye pamyatniki yeniseyskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakass)]. Abakan.

- Gorbunov, V.V., Dashkovskiy, P.K., Tishkin, A.A. 2004: Issledovaniye pamyatnikov srednevekov'ya na Altaye [Study of medieval sites in Altai]. In: N.V. Lopatin (ed.), *Arkeologicheskiye otkrytiya – 2004 [Archaeological Discoveries – 2004]*. Moscow, 420–423.
- Goryacheva, V.D. 2010: *Gorodskaya kul'tura tyurkskikh kaganov na Tyan'-Shane (seredina VI – nachalo XIII veka) [Urban culture of the Turkic Khagans in the Tien Shan (Mid-6th – Early 13th Century)]*. Bishkek.
- Gudkova, A.V. 1964: *Tok-kala [Tok-kala]*. Tashkent.
- Gyllensvård, B. 1958: *T'ang Gold and Silver*. Goteborg.
- Ierusalimskaya, A.A. 1972: K slozheniyu shkoly khudozhestvennogo shelkotkachestva v Sogde [Towards the Development of a School Of Artistic Silkworm Crafts in Sogd]. In.: A.A. Ivanov, S.S. Sorokin (eds.), *Srednyaya Aziya i Iran [Middle Asia and Iran]*. Leningrad, 5–56.
- Ilimbetova, A.F. 2015: *Kul't ptits u bashkir v svete dukhovnogo naslediya narodov mira [The Cult of Birds among the Bashkirs in the Light of the Spiritual Heritage of the Peoples of the World]*. Ufa.
- Ilyushin, A.M. 1999: *Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyi etnoarkheologicheskogo issledovaniya [Saratovka Burial Ground: Publication of Materials and Experience of Ethnoarchaeological Research]*. Kemerovo.
- Ivanov, S.V. 1954: *Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX–nachala XX v. [Materials on the Fine Arts of the Peoples of Siberia in the 19th – early 20th Century]* (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya. Novaya seriya [Issues of the N.N. Mikluho-Maclay Institute of Ethnography. New Series] XXII). Moscow–Leningrad.
- Ivanov, S.V. 1955: K voprosu o znachenii izobrazheniy na starinnykh predmetakh kul'ta u narodov Sayano-Altayskogo nador'ya [Towards the Question of the Significance of Images on Ancient Objects of the Culture and Peoples of the Sayan-Altay Mountains]. In.: S.P. Tolstov (ed.), *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]* XVI, 165–264.
- Ivanov, S.V. 1979: *Skul'ptura altaytsev, khakasov i sibirskikh tatar [Sculpture of Altai, Khakass and Siberian Tatars]*. Leningrad.
- Kamyshev, A.M. 2023: *Zoomorfnyye syuzhetы v torevtike Prityan'shan'ya [Zoomorphic Plots in the Toreutics of the Tien Shan Region]*. Bishkek.
- Kaogu. 2011. Iss. 8. (in Chinese)
- Kaogu suebao. 1954. Iss. 8. (in Chinese)
- Kara, D. 1972: *Knigi mongol'skikh kochevnikov [Books of Mongolian Nomads]* (Kul'tura narodov Vostoka: materialy i issledovaniya [Culture of the Peoples of the East: Materials and Research]). Moscow.
- Kechiyeva, Z.R. 2016: Zoomorfnye obrazy na srednevekovoy torevtike Tyan'-Shanya [Zoomorphic Images in Medieval Toreutics of Tien Shan]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologija 15, 5: Arkheologiya i etnografiya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology 15, 5: Archaeology and Ethnography]*, 159–165.
- Khasanova, B.M. 2016: Obraz ryby v srednevekovom iskusstve kochevnikov Tsentral'noy Evrazii [Image of Fish in the Medieval Art of the Nomads of Central Eurasia]. In: B.A. Baytanaev (ed.), *Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii [Actual Problems of Archaeology of Eurasia]*. Almaty, 717–725.
- Khasanova, B.M. 2019: Zhenskiy kostyum stepnoy Yevrazii epokhi srednevekov'ya: simvol gendera i vremeni [Women's Costume of the Eurasian Steppe in the Middle Ages: Symbol of Gender and Time]. In: A. Ongaruly (ed.), *Stepnaya moda: kostyum i tekstil'. Katalog vystavki [Steppe Fashion: Costume and Textiles. Exhibition Catalogue]* (Velikaya step': istoriya i kul'tura [The Great Steppe: History and Culture], V). Nur-Sultan, 114–121.
- Khudyakov, Yu.S., Borisenko, A.Yu., Kechieva, Z.R. 2017: Bronzovye blyashki s izobrazheniyami iz Chuyskoy doliny i Issyk-Kul'skoy kotloviny Kyrgyzstana [Bronze Plaques with Images from the Chu Valley and the Issyk-Kul Basin of Kyrgyzstan]. *Vestnik NGU. Seriya:*

- Istoriya, filologiya* 16, 3: *Arkheologiya i etnografiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology 16, 3: Archaeology and Ethnography], 70–79.
- Kiselev, S.V. 1949: *Drevnyaya istoriya Yuzhnay Sibiri* [Ancient History of South Siberia] (MIA [Materials and Research on the Archaeology of the USSR] 9). Moscow–Leningrad.
- Klyashtoriny, S.G., Savinov, D.G. 2005: *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia] (Istoricheskiye issledovaniya [Historical Research]). St. Petersburg.
- Kocheshkov, N.V. 1997: *Tyurko-mongoly i tunguso-man'chzhury. Problemy istoriko-kul'turnykh svyazey na materiale narodnogo dekorativnogo iskusstva XIX–XX vekov* [Turkic-Mongols and Tungus-Manchus. Problems of Historical and Cultural Connections Based on Folk Decorative Art of the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg.
- Korenyako, V.A. 2002: *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zveriny stil'* [Art of the peoples of Central Asia and animal style] (*Kul'tura narodov Vostoka: materialy i issledovaniya* [Culture of the peoples of the East: materials and research]). Moscow.
- Korol, G.G. 2008: *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki* [Art of Medieval Nomads of Eurasia. Essays]. (Trudy SAIPi [Issues of the Siberian Association of Prehistoric Art Scholars] V). Moscow–Kemerovo.
- Korol, G.G. 2019: Sostavnye ukrasheniya zastezhki s territorii Sayano-Altaya kontsa I – nachala II tys. [Decorated Composite Clasps from the Sayan-Altai of the Late 1st – early 2nd Millennium]. In.: M.A. Devlet (ed.). *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva* (2) [Iconographic and Technological Traditions of Early Forms of Art (2)] (Trudy SAIPi [Issues of the Siberian Association of Prehistoric Art Scholars] XII). Moscow–Kemerovo, 175–195.
- Korol, G.G. 2021: Neizvestnoye v izvestnom: kolleksiya sluchaynykh nakhodok srednevekovoy torevtiki malykh form iz Minusinskoy kotloviny [The Unknown in the Known: A Collection of Random Finds of Medieval Small-Form Toreutics from the Minusinsk Basin]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 101–127.
- Korol, G.G. 2024: Ornitomorfnyye motivy srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya i Tyan'-Shanya [Ornithomorphic Motifs of Medieval Art Metalwork of the Sayan-Altai and Tien Shan]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4 (86), 317–337.
- Korol, G.G., Kon'kova, L.V. 2009: Srednevekovye remennye ukrasheniya iz Minusinskoy kotloviny: sobraniya XIX v. v kollektsiyakh Ermitazha [Medieval Strap Ornaments from the Minusinsk Basin: XIX c. Collections in the Hermitage Museum]. In: A.A. Tishkin (ed.), *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Investigations] 5. Barnaul, 136–147.
- Korol, G.G., Naumova, O.B. 2017: *Khudozhestvennyy metall u kochevnikov* (Tsentral'naya Azia rubezha I–II tys.) [Artistic Metal among Nomads (Central Asia of the Turn of the 1st–2nd millennia)]. Moscow.
- Kyzlasov, L.R., Korol, G.G. 1990: *Dekorativnoye iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskiy istochnik* [Decorative Art of the Medieval Khakass as a Historical Source]. Moscow.
- Laufer, B. 1912: *Jade. A Study in Chinese Archaeology and Religion*. Chicago.
- Levasheva, V.P. 1939: *Iz dalekogo proshloga yuzhnay chasti Krasnoyarskogo kraya* [From the Far Past of the Southern Part of Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk.
- Lubo-Lesnichenko, E.I. 1975: *Privoznyye zerkala Minusinskoy kotloviny* (Imported Mirrors of the Minusinsk Basin). Moscow.
- McArthur, M. 2002: *Reading Buddhist Art. An illustrated Guide to Buddhist Signs and Symbols*. London.
- Miller, G.F. 1937: *Istoriya Sibiri* [History of Siberia] 1. Moscow–Leningrad.

- Mogilnikov, V.A. 2002: *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh* [Nomads of the Northwestern Foothills of Altai in the 9th–11th cc.]. Moscow.
- Napolskikh, V.V. 1990: Drevneyshiye finno-ugorskiye mify o vozniknovenii zemli [The Most Ancient Finno-Ugric Myths about the Origin of the Earth]. In: I.N. Gemuyev (ed.), *Mirovozzreniye finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric Peoples]. Novosibirsk, 5–20.
- Plotnikov, Yu.A. 1987: Skul'pturnyye izobrazheniya ryb v pamyatnikakh srostkinskoy kul'tury [Sculptural Images of Fish in Sites of the Srostki Culture]. In: Yu.S. Khudyakov, S.A. Gladyshev (eds.), *Novyye pamyatniki metalla na Sredнем Amure* [New Metal Objects on the Middle Amur]. Novosibirsk, 110–120.
- Polidovich, Yu.B., Malyuk, N.I. 2016: Obraz ryby v iskusstve skifo-sarmatskogo vremeni [Image of Fish in the Scythian-Sarmatian Art]. In.: L.T. Yablonskiy, L.A. Kraeva (eds.), *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremenныe problemy sarmatskoy arheologii* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Recent Problems of Sarmatian Archaeology]. Orenburg, 209–216.
- Sagalaev, A.M. 1990: Ptitsa, dayushchaya zhizn' (iz tyurko-ugorskikh mifologicheskikh paraleley) [Bird That Gives Life (from Turkic-Ugric Mythological Parallels)]. In: I.N. Gemuyev (ed.), *Mirovozzreniye finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric Peoples]. Novosibirsk, 21–34.
- Snesarev, G.P. 1969: *Relikty domusul'manskikh verovanii i obryadov u uzbekov Khorezma* [Relics of Pre-Muslim Beliefs and Rituals among the Uzbeks of Khorezm]. Moscow.
- Sokolovskaya, L.F. 2001: K izobrazheniyu ryb na srednevekovoy keramike Afrasiaba VII–XIII vv. [Towards the Image of Fish on Medieval Ceramics of Afrasiab of the 7th–13th cc.]. In: T.Sh. Shirinov (ed.), *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of Material Culture of Uzbekistan] 32. Tashkent, 164–169.
- Spasskiy, G. 1818: O sibirskikh drevnikh kurganakh [On Ancient Siberian Burial Mounds]. *Sibirskiy vestnik* [Siberian Journal] 2, 20 (147)–50 (177).
- Tabaldiyev, K.Sh. 2011: *Drevniye pamyatniki Tyan'-Shanya* [Ancient Sites of the Tien Shan]. Bishkek.
- Terentyev-Katanskiy, A.P. 2004: *Illyustratsii k kitayskomu bestiariyu «Mifologicheskiye zhivotnyye drevnego Kitaya»* [Illustrations for the Chinese Bestiary «Mythological Animals of Ancient China】. St. Petersburg.
- Torgoev, A.I. 2010: Patritsy s izobrazheniyem cherepakhi i zhuravlya iz Chuyskoy doliny [Patrits with Images of a Turtle and a Crane from the Chu Valley]. *Rossiysaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 160–163.
- Vaynshteyn, S.I. 1974: *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy* [History of Folk Art of Tuva]. Moscow. Wenwu. 1987. Iss. 11. (in Chinese).
- Wenwu. 1996. Iss. 1. (in Chinese).
- White, J.M., Bunker, E.C. 1994: *Adornment for Eternity. Status and Rank in Chinese Ornament*. Denver.
- Williams, C.A. 1960: *Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives*. New York.
- Zabiyako, A.P., Van Tszyan'lin' 2015: *Naskal'nye izobrazheniya Severo-Vostochnogo Kitaya* [Rock Art of Northeastern China]. Blagoveshchensk.

WATERFOWL AND FISH IN THE DECOR OF MEDIEVAL METAL FROM
THE SAYAN-ALTAI AND TIEN SHAN

Galina G. Korol

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Russia

E-mail: ggkorol08@rambler.ru

This is a study in the images of waterfowl and fish in the metal decor of the Sayan-Altai with adjacent territories and the Northern Tien Shan of the late 1st – early 2nd millennium based on the material of horseman's belt and female accessories ornamentations. Waterfowl motifs include ducks and geese with intertwined necks and images of birds with spread wings. The author considers complex ichthyo-/ornithomorphic compositions in combination with plant decoration. The fish group consists of paired fish pendants including a modification in the specific shape of a needle case/clamp, paired fish in complex compositions and double-sided figurines of paired fish, as well as a single fish motif. An analysis of the distribution and possible sources of influence on the emergence of those images makes it possible to state that they could be found to varying degrees in both regions, with rare exceptions. The motifs mainly trace back to the Buddhist tradition, while their iconography – to that in Chinese art. In the Sayan-Altai, finds are represented by both imported high quality items, and replicas. The author notes the development of the paired fish motif associated with Buddhist symbolism, which is realized in the specific shape of double-sided hollow items of various designs – needle case/clamps and sculptural figurines that could be used as needle case/pendants. The Tien Shan finds are distinguished by the obvious creative potential of local craftsmen with an average level of quality in decor execution. The auspicious symbolism of the images brought from outside was accepted in both regions, however, the motifs did not become widespread in small metalwork. No mutual influences were identified.

Keywords: Sayan-Altai and adjacent territories, Northern Tien Shan, small metalwork, decor, ichthyomorphic and ornithomorphic motifs, late 1st – early 2nd millennium AD
